

Лунгин-блюз

ГЛАВНЫМ событием первого дня недавно закончившегося Московского кинофестиваля обозреватели назвали вручение Павлу Лунгину — члену жюри этого фестиваля — Ордена литературы и искусств. Это награда французского правительства вручается выдающимся представителям интеллигенции. Одному из немногих российских кинематографистов, ему действительно удалась международная карьера. В интервью, данном корреспонденту «Московских новостей» в своей парижской квартире, он сказал, что «его завораживает присутствие на невероятном процессе конца русской империи». «Для меня страшно интересно, — сказал выдающийся представитель интеллигенции, глядя на Россию из своего прекрасного далека, — что будет в конце концов. Я ищу себя и слежу за нашей страной изнутри». До сих пор его поиски были весьма продуктивны.

В двух своих лентах («Такси-блюз» и «Луна-парк»), производящих столь сильное впечатление на французское правительство, Павел Лунгин изобразил русско-еврейскую оппозицию с обескураживающей простотой. Найденный образ столь завладел его воображением, что, похоже, он собирается разыгрывать один и тот же блюз из фильма в фильм, разве что слегка варьируя аранжировку.

Русский морлок, низколобый и мускулистый, любит-ненавидит потрепанного жизнью еврейского Ангела. Сей ангел может безот-
ветственно и жестокосердно тра-
вить ихних баб («Луна-парк») —
т не столь сексуальный, сколь
демонстрирующий позицию ев-
РЕя сверху. Еврейский ангел мо-

Независимая газ. — 11 авг. — С. 7.

Павел Лунгин — свежий кавалер Ордена литературы и искусств. жет не платить русскому хаму долги, что, вообще говоря, следует делать независимо от нравственных достоинств кредитора, но все равно оказывается как бы и прав (сведущие в Писании могут вспомнить эпизод с золотыми вещами презренных жителей Мицраима), а вытрясывающий из него кровные денежки морлок туп, мерзок и отвратителен.

Конечно, еврей — сукин сын, но это очевидным образом «наш» сукин сын, а беседы с «богом» делают его недосягаемым для пошлого обывательского суда.

Русский протагонист обречен жить и умирать в своем зверином хамстве, и только лишь чистая любовь к еврею дает ему шанс подняться с четверенек.

Еврейский ангел улетает, оставляя русского с надувной бабой — символом его механических ширпотребных утех, а русскую — в шутовском колпаке (колпак предьявляется). Любовь при такой жизни, ясное дело, оборачивается ненавистью, но окончательно вытравить эту змею из сердца решительно невозможно. Ни мясокомбинатские дамы («мясо»), ни красный «мерседес» не утешат

душевной тоски, и покинутому русскому человеку остается только одно: убить своего возлюбленного обидчика, впившись в него перед убийством страстным поцелуем. Пышнотелая русская валькирия не в состоянии самостоятельно пропеть вагнеровскую отходную (о, как они все бездарны!), так что ей приходится использовать заемные технические средства.

Неизбежная гибель еврея, обставленная соответствующими музыкальными и пиротехническими эффектами, грозит превратиться в гибель богов — апокалиптический огонь должен пожрать мир, вознамерившийся пожрать еврея.

Однако же лунгинский еврей в огне натурально не горит, он неуязвим, абсолютно бесстрашен, прекрасен даже в своей немощи и победителен по отношению к косной русской материи, он одолевает и белую горячку, и старческие недуги и, обновясь, возлетит к вщей славе.

Лучшее, что может сделать русский, — это склониться перед великим и бессмертным евреем, духовно с ним породнившись, то есть сделавшись «Наумычем». Таково вкратце содержание лунгинского блюза, долженствующего подтвердить самые худшие ожидания западных меломанов, для коих он, в сущности, и предназначался, они ведь заранее знают, что за страшная страна эта Московия — вот Лунгин им все это и изобразит, они ведь предчувствуют, кого обнаружат, покрепя русского, и Лунгин им это охотно демонстрирует, никоим образом не обманывая благосклонных ожиданий!

Рациональная и выверенная конъюнктура Лунгина оживлена его неподдельным ужасом перед грубой русской силой и стремлением от этого ужаса освободиться и даже взять реванш подручными художественными средствами. Его ужас не может вызвать ничего, кроме сочувствия, которое вызывает любое перепутанное человеческое существо.

То, что напугало Лунгина, безусловно, наличествует и, надо полагать, всегда наличествовало в российской действительности, однако Лунгин изменил масштаб, контекст, соотношения, освещение, переставил акценты, превратил частное в общее и, бессознательно идя на поводу у своих фобий и вполне сознательно — на поводу у своих западных заказчиков, создал не вполне адекватный образ русско-еврейской ситуации в частности и страны в целом.

Собственно говоря, технология эта давно освоена теми, для кого евреи воплощают все пугающее, отвратительное и ненавистное, — Лунгин производит инверсию и демонстрирует, что она вполне универсальна и инвариантна.

Несправедливость и субъективность сами по себе не могут быть препятствием для художественного творчества (кто справедлив и объективен?), прекрасное можно создать и из недоброй тяжести страха — посредством конъюнктуры можно заработать приз, репутацию и вообще заработать.

Прекрасного Павел Лунгин не создал.

Но свой Орден он получил.

Михаил ГОРЕЛИК

Н.О. 93

Лунгин Павел